

—
Они еще издалека заприметили Чэнь Ху, который с мрачным лицом караулил у ворот усадьбы. Поняв, что внутрь ему не попасть, тот окончательно рассвирепел и, улучив момент, когда на улице никого не было, изо всей силы несколько раз пнул входную дверь.

В это время в доме оставался один лишь Ань-гэр. Услышав голос Чэнь Ху, он крикнул, что хозяев нет дома, и наотрез отказался отпирать. Как бы тот ни бесчинствовал, ни матерился и ни колотил в ворота снаружи, Ань-гэр не подавал и виду.

Столкнувшись с таким приемом, Чэнь Ху исходил злобой, но поделаться запертыми дверями ничего не мог, а потому лишь впустую глотал обиду.

Сун Фэнсуй придержал Дуань Яня за рукав, не позволив ему сразу выйти и застать мерзавца в пылу бессильной ярости. Вместо этого он шепотом дал тому несколько наставлений. И лишь когда Чэнь Ху немного перевел дух и поостыл, они наконец появились в поле его зрения.

— Старший брат! Куда же ты отлучился, я совсем заждался! Этот гэр в доме совсем от рук отбился, ворота не отпирает! Я так испугался, думал, не стряслось ли с тобой чего, — стоило Чэнь Ху заметить возвращающегося Дуань Яня, как от его свирепого вида не осталось и следа. Личина сменилась невероятно быстро, и теперь на его лице читалась лишь глубокая тревога и беспокойство за названного брата.

Если бы они только что не наблюдали за ним из укрытия, то и впрямь можно было подумать, будто он без памяти печется о Дуань Яне.

— Это я велел Ань-гэру запереть ворота понадежнее. В городе сейчас неспокойно, мало ли какие воришки прокрадутся, — неторопливо и спокойно ответил Дуань Янь. — Ты чего пришел?

— Вчера... дело с поездкой в деревню Сяоянь я провалил... — Чэнь Ху виновато опустил голову. — Старик вконец рассвирепел, ни единого зернышка не дал, да еще и тебя, старший брат, костил на чем свет стоит... Я попытался было заступиться, так отец еще больше разъярился и велел парням из усадьбы нас избить.

Договорив, он вскинул голову, выставя напоказ ссадину на лбу.

Сун Фэнсуй стоял молча, не проронив ни слова. Со стороны, с изящным и холодным видом, он наблюдал за представлением этого подлеца. «А этот паразит весьма неглуп, — подумал юноша, — его уловки мало чем уступают интригам в задних покоях знатных домов. Неудивительно, что прежде он так легко водил Дуань Яня за нос».

Вчера этот прохвост лишился ключей от амбара и наверняка исходил бешеной злобой, однако перетерпел и явился лишь сейчас. К тому же при встрече с Дуань Янем он ни единым словом не обмолвился о ключах, а сразу начал виниться за проваленное поручение.

Разыграв такую сцену, он не только выставил себя преданным подручным, готовым ради Дуань Яня терпеть побои и обиды, но и показал, что их братские узы превыше всего, и никто из них якобы и не думает о такой «мелочи», как ключи от склада.

Подобный расчет легко мог растрогать прямодушного и грубоватого работягу до глубины души

и заставить поверить, насколько этот названный брат хорош и надежен.

На самом же деле Чэнь Ху просто прикрывал свою неспособность дельно выполнять поручения, а заодно воспользовался случаем, чтобы окончательно рассорить Дуань Яня с отцом.

Будь он истинно преданным другом, разве стал бы сеять раздор между родными отцом и сыном? Даже если бы не смог примирить, то по крайней мере придержал бы язык.

Хорошо, что Дуань Янь уже получил свой кровавый урок, иначе, сколько бы окружающие его ни предостерегали, он бы никого не послушал и лишь сильнее привязался бы к Чэнь Ху.

— В такую невыносимую жару кто захочет торчать под палящим солнцем и выслушивать твои бредни? — Сун Фэнсуй нахмурился, недовольно пожаловался Дуань Яню, а затем высокомерно сказал: — Отнеси мой медицинский сундучок в комнату. И еще — вели омыть эти персики колодезной водой, очистить от кожицы, вынуть косточки, порезать на кусочки и тоже подать мне в покои.

— Давай поскорее.

— Хорошо, иди в комнату, отдохни, я сейчас все принесу, — ответил Дуань Янь.

Сун Фэнсуй даже не пришлось звать прислугу — Ань-гэр, который все это время прижимался ухом к дверям и ловил каждый шорох снаружи, услышал голоса хозяев и тут же распахнул ворота.

Сун Фэнсуй даже не удостоил Чэнь Ху взглядом и с гордо поднятой головой, вальяжно прошествовал внутрь усадьбы.

Чэнь Ху остолбенело смотрел им вслед. Видя, как Сун Фэнсуй помыкает Дуань Янем, точно дворовым псом, и ведет себя как какой-то удельный князь, а сам Дуань Янь при этом отвечает кротко и ласково, готовый услужить по первому требованию, он диву давался. Будь у кузнеца хвост, тот бы сейчас наверняка ходил ходуном от радости.

Вчера Чэнь Ху еще сомневался, правда ли Дуань Янь ради Сун Фэнсуя сбил замки и открыл амбар, но теперь видел: никто не преувеличил ни единого слова!

При воспоминании о том, как вчера юноша вынудил кузнеца взломать склад и сменить ключи, у Чэнь Ху зубы сводило от злости. Но видя, как Дуань Янь слепо потакает этому гэру и не отходит от него ни на шаг, он понимал, что в ближайшее время подступиться к нему не удастся.

И этот гэр на воротах, чтоб его черти взяли! Ведь совершенно точно торчал у входа, но притворился глухим и никак не отзывался, сколько бы его ни звали!

подавив клокочущую в груди ярость, Чэнь Ху напустил на себя мирный вид:

— Старший брат, а вы откуда только что вернулись?

До Чэнь Ху долетели слова о каком-то медицинском сундучке, и он тут же заметил короб, что Дуань Янь держал под мышкой.

— Да все никак не представлялось случая тебе рассказать. Молодой господин Сун говорит, что

смыслит в лекарском деле. Вчера я забрал со склада снадобья, чтобы он мог с ними повозиться, а сегодня специально ходил с ним, чтобы прикупить марли, лекарственных ножниц, серебряных игл и прочих вещей, — на лице Дуань Яня играла улыбка. — Раз он доволен, то и мне в радость.

Глядя на эту блаженную мину, Чэнь Ху подумал, что кузнец ослеп от любви еще сильнее, чем прежде к Хэ-гэру, и выглядит донельзя глупо.

Однако весть о том, что Сун Фэнсуй сведущ в медицине, заставила его сердце тревожно сжаться. Ведь когда тот приходил в усадьбу просить помощи, он как раз говорил, что одалживает травы для лечения деда, да еще и самонадеянно заявлял, будто может исцелить лихорадку.

Будь Чэнь Ху из тех, кто верит на слово, он бы не пробился к своему нынешнему положению, поэтому тогда он и слушать юношу не стал, а просто забрал лекарства для собственных нужд.

Видя теперь цветущий вид Дуань Яня, он осторожно прощупал почву:

— Старший брат, неужто этот Сун-гэр и впрямь так искусен в медицине?

— Кто его знает. Лично я никогда не слышал, чтобы гэры из именитых домов, не знающие нужды в еде и одежде, обучались искусству врачевания. Но раз уж ему нравится с этим возиться — пусть возится, мне же спокойнее: по крайней мере, не будет рваться обратно в деревню, избавляя меня от лишних хлопот, — небрежно бросил Дуань Янь, после чего перевел взгляд на Чэнь Ху. — У тебя есть еще какие дела? Если нет, возвращайся в лавку. Мне еще персики мыть да нести ему, иначе он снова рассердится.

«.....»

Чэнь Ху на мгновение лишился дара речи. Но видя столь никчемный вид Дуань Яня, он облегченно перевел дух. Он собирался было упомянуть о делах в деревне Лю, но передумал и промолчал.

Раз его старший брат целиком и полностью увяз в заботах о каком-то гэре и явно не имеет возможности отвлечься на дела по работе и братьев, то и незачем посвящать его в это.

— Тогда не стану более докучать тебе, старший брат. Но перед уходом все же позволю себе дать совет: пусть ты и ценишь этого Сун-гэра, все же держи ухо востро и не давай ему обвести себя вокруг пальца. У этих гэров, что выросли в знатных усадьбах, ума и хитрости больше, чем у кого-либо. Порой они лишь притворяются покорными, а сами втайне воду мутят, выискивая случай для мести.

Дуань Янь взглянул на Чэнь Ху с двусмысленным выражением лица — «надо же, как этот малый горазд сеять раздор».

Он изобразил на лице легкое недовольство, смешанное с признательностью за чужую заботу:

— Я понял.

Лишь после этого Чэнь Ху распрощался и ушел.

Выйдя из переулка, где находился дом Дуань Яня, и добравшись до главной улицы, он встретился с Бяо-цзы. Бяо-цзы и Хань-цзы были людьми, которых Чэнь Ху в свое время привел в

подчинение к Дуань Яню, и преданны они были исключительно ему одному.

— Брат Ху, удалось вернуть ключи от амбара?

— Я даже не стал заводить об этом речь.

Бяо-цзы удивился:

— Но если у нас нет ключей, как же нам воспользоваться этой смутой, чтобы выгодно продать зерно?

— К чему спешка? Эта лихорадка разгорается все яростнее, в деревнях уезда уже все пошло наперекосяк. У чиновника-надзирателя уже волдыри на губах вскочили от беспокойства. Чем дальше, тем дороже будет это зерно.

Чэнь Ху добавил:

— Пусть ключи пока побудут у него, это даже к лучшему. Когда он отправится на тот свет, как раз наступит идеальный момент, чтобы открыть амбар. Если бы я потребовал их сейчас, это могло бы вызвать у него подозрения. Время сейчас смутное, так что лучше поберечься.

— И то верно, брат Ху все тонко рассчитал, — согласился Бяо-цзы. — А как нам быть с делами усадьбы в деревне Лю? Оттуда передали весть, что уже три-четыре человека слегли. Народ в панике, все надеются, что брат Ху найдет выход.

Чэнь Ху нахмурил брови и с досадой произнес:

— Я не лекарь, откуда мне знать, что делать? Даже этот деревенский лекарь, старик Ху, не сумел составить снадобье против лихорадки, так неужто я смогу сотворить для них чудодейственное лекарство?

— На усадьбе есть и еда, и питье, чего они так всполошились? К тому же они рвутся наружу, но сейчас Цянь Лаосань со своими людьми помогает стражникам стеречь деревню, охрана там суровая, никого не выпускают. Да даже если бы и удалось кого-то вывести — если они уйдут, кто станет стеречь усадьбу? Если тамошнее зерно разграбит эта нищая чернь, кто будет за это отвечать?!

Бяо-цзы немного помолчал, но все же не сдержался и заступился за людей из усадьбы:

— От этой лихорадки люди мрут по-настоящему, так что страх и тревога работников вполне понятны... Если они и впрямь все заразятся и перемерут, мы ведь лишимся кучи верных рук.

Чэнь Ху лишь презрительно фыркнул:

— Как только Дуань Янь падет, и кузница, и поместье Тяньшуй, и даже поместье в деревне Сяоянь — все это вместе с людьми перейдет к нам, добра будет в избытке. Если мы сейчас очертя голову кинемся спасать поместье в деревне Лю и сами подхватим эту заразу, вот тогда нам точно крышка!

У Бяо-цзы от этих слов слегка похолодело на душе:

— Тогда что мне передать братьям в поместье?

— Ну и глупец! Скажи, что я уже ищу выход, пусть не паникуют и крепко стерегут имение, —

Чэнь Ху покрутил глазами и добавил: — И еще замолви перед ними словечко, мол, я с большим трудом раздобыл редкие нынче лекарства и собирался отправить им, да только их щедрый хозяин все прибрал к рукам, чтобы ублажить этого ссыльного по фамилии Сун.

Бяо-цзы кивнул в знак согласия.

Чэнь Ху обернулся и посмотрел в сторону дома Дуань Янь. Хотя после недавней проверки ему показалось, что тот все еще ни о чем не догадывается по поводу яда...

«И все же, во избежание лишних хлопот, нужно покончить с ним как можно скорее, — подумал он. — А что до этого гэра Сун Фэнсуя... посмотрим, как он запоет и сохранит ли свою спесь, когда окажется в моих руках!»

Тем временем Дуань Янь только успел переступить порог дома, как нос к носу столкнулся с Сун Фэнсуем, который стоял за дверью, заложив руки за спину.

Он расслабил лицо, махнул рукой и сказал:

— Впредь избавь меня от необходимости разыгрывать эту комедию с безумной любовью, у меня аж лицо свело. И кто знает, поверил он или нет...

Сун Фэнсуй опустил взгляд и тихо рассмеялся. Он подумал о том, что прежде, когда его никто не просил играть, мужчина проявлял свои чувства настолько искренне, что выходило лучше всякой актерской игры, а теперь, когда его попросили подыграть, он еще и жаловаться вздумал.

Юноша приподнял длинные брови:

— Неужто то, что я могу ослепить мужчину своей красотой, выглядит неубедительно?

Дуань Янь при этих словах бросил взгляд на Сун Фэнсуя и неловко кашлянул в кулак — пожалуй, более убедительный довод отыскать было и впрямь трудно.

Сун Фэнсую этот смущенный вид мужчины показался забавным, и он продолжил:

— Ты жалуешься, что роль ослепленного любовью дается тебе нелегко, но думаешь, мне роль «избалованного любимчика» играть просто? Погляжу я на тебя — ты, похоже, в глубине души именно таким меня и считаешь.

— Все нет, я правда так не думал, — поспешил оправдаться Дуань Янь.

Дуань Янь, видя, что юноша снова зацепился за эту тему, поспешил добавить:

— Все, что я только что наговорил, было сделано лишь для того, чтобы пустить пыль в глаза Чэнь Ху, как ты и велел. И даже если бы ты вел себя так на самом деле, в моих глазах это вовсе не считалось бы дурным характером.

Сун Фэнсуй понял: если продолжить этот спор, мужчина и впрямь не на шутку разволнуется. А потому он решил свернуть разговор:

— Так и быть, поверю тебе на этот раз.

— Вот и хорошо, вот и славно. Ты столько времени провел на ногах, пока ходил на осмотр, ступай скорее в комнату, отдохни. А я помою персики и принесу тебе.

— Неужто и впрямь станешь мыть? — Сун Фэнсуй невольно опустил взгляд на корзину в руках Дуань Яня.

— Они ведь свежие, раз уж принесли домой, не выбрасывать же.

Сун Фэнсуй лишь поджал губы: ты ему слово, он тебе два.

Тихо угукнув, он развернулся и первым ушел к себе.

Прошло около часа. Сун Фэнсуй сидел в комнате на прохладной тахте и лакомился фруктами, когда Ань-гэр доложил, что вернулся Гоу Сань-эр. Юноша тут же отложил ложечку, которой ел сочную мякоть персика, и поспешил к Дуань Яню.

— Похоже, прежде стражники несли караул спустя рукава, и кто-то сумел выбраться из оцепления. Теперь в соседних селениях тоже обнаружилось несколько случаев заражения. Начальник надзора вместе с лекарями разбил лагерь прямо в сельской местности и готовит кучу разных отваров для больных крестьян, но ни одно средство пока не помогло. Тут и без того ситуация была отчаянная, а теперь, когда хворь перекинулась на другие деревни, начальство и вовсе в ярости, — с тревогой рассказывал Гоу Сань-эр. — В уездной управе не хватает людей, поэтому чиновник Кун велел Цянь Сань-эру взять своих людей и помочь перекрыть деревни, чтобы усилить охрану.

Услышав это, Сун Фэнсуй тут же спросил:

— Стало быть, теперь в деревню совсем не пробраться?!

Гоу Сань-эр утер пот со лба и терпеливо пояснил:

— Если бы охрану усилили только казенные служащие из управы, с ними еще можно было бы как-то договориться. Но на грех к этому делу привлекли Цянь Сань-эра.

Сун Фэнсуй недоумевал:

— А это еще что за человек?

Гоу Сань-эру было неловко говорить о таком, поэтому он лишь перевел взгляд на Дуань Яня.

— Он мясник по ремеслу, но держит в своих руках всю торговлю мясом в окрестностях Яньчжэня. Связи и влияние у него немалые. Сам он родом из тех же мест, что и я, но сейчас... мы с ним враги, — не стал таиться Дуань Янь.

Сун Фэнсуй начал кое-что понимать и спросил:

— Враги до какой степени?

Дуань Янь слегка кашлянул в кулак:

— Вражда у нас давняя. В деревне Сяоянь испокон веков были две богатые семьи — Дуань и Цянь. Еще с дедовских времен они явно и тайно вели борьбу за место старосты. Про глав семейств и говорить нечего, но и между мной и Цянь Сань-эром согласия не было: когда мой отец из-за ранения ушел на покой, его должность перешла к их семье. Предки вечно мерились силами, ну и мы с ним с малых лет, насмотревшись на это, соперничали во всем и только и ждали, когда другой попадет в беду.

Договорив, Дуань Янь нехотя добавил:

— И это... Цзи Хэ, с которым мы вместе выросли в деревне, в итоге вышел замуж за него.

Сун Фэнсуй, который до этого пребывал в глубокой задумчивости, при этих словах резко вскинул на него глаза. Он смерил Дуань Яня долгим взглядом, мысленно рассудив, что счет обид между ними и впрямь накопился немалый.

Дуань Янь продолжил:

— Коротко говоря, даже если я переступлю через себя и пойду просить его о снисхождении, насмешки и издевательства с его стороны будут еще меньшим из зол. Чего доброго, он ухватится за нашу оплошность и не упустит случая погубить все дело.

В конце концов, этот Цянь Сань-эр вовсе не был благородным мужем: воспользоваться смутой из-за лихорадки, чтобы прибрать к рукам мясную торговлю и взвинтить цены ради наживы — для такого прохвоста подобное поведение было в порядке вещей.

Сун Фэнсуй понял, в какое затруднительное положение попал Дуань Янь, и произнес чуть мягче:

— Я ведь просто спросил, вовсе не собираясь заставлять тебя и гнать к нему на поклон ради связей. Обстоятельства изменились, и никто из нас не властен над этим. Коль скоро дело обстоит так, возможно, мне стоит обойтись без твоего имени и поискать другие пути.

— Исключено! На дорогах сейчас полно всякого сброда, тебе ни в коем случае нельзя рисковать и ходить в одиночку!

В душе у Дуань Яня забили тревожные колокола. Он до смерти боялся, что Сун Фэнсуй решится на самостоятельные действия и станет легкой добычей в чужих руках. Раз уж они уговорились помогать друг другу, он обязан защитить его:

— Не горячись, я непременно найду способ вернуть тебя домой. Раз нельзя пройти открыто по главной дороге, мы потратим чуть больше сил и разведем обходные тропы. В глуши ведь нет городских стен с воротами, так просто всю округу не перекроешь, лазейки всегда найдутся. Как только стемнеет, я сам отправлюсь на разведку.

Услышав это, Сун Фэнсуй тут же отрезал:

— Я пойду вместе с тобой!

— Обходные тропы в горах и лесах и при свете дня не всякому под силу, а уж глухой ночью там всю кишат змеи, насекомые да грызуны. Куда тебе с твоим здоровьем? — Дуань Янь нахмурил брови. — К тому же я сам не знаю, не перекрыты ли те лазейки, о которых я помню. Сегодня ночью никто не даст гарантии, что нам удастся проникнуть в деревню.

Он попытался мягко переубедить юношу:

— Давай так: я сначала сам отыщу верную дорогу, удостоверюсь, что путь в деревню открыт, и тут же вернусь за тобой. Это не займет много времени, тебе не придется долго ждать.

— Я знаю, что телом куда слабее тебя, и если пойду следом, то могу стать обузой и помешать делу, — отозвался Сун Фэнсуй. — Но если я отправлюсь с тобой сейчас и путь окажется открыт,

мы сможем пройти уже этой ночью. А если я останусь ждать, пока ты найдешь дорогу и воротишься за мной, ты не только потратишь кучу сил впустую, но и ту лазейку за время твоих переходов могут успеть перекрыть. Я уже прожил в деревне какое-то время и знаю, что летом на лесных тропах полно змей и насекомых. Перед выходом я приготовлю мешочки с лечебными сборами против гадов и насекомых, они и тебе сослужат добрую службу.

Гоу Сань-эр какое-то время молчал, но, улучив минуту, пока Дуань Янь раздумывал, вставил свое слово:

— Старший брат, а ведь молодой господин Сун дело говорит. Если с лихорадкой не покончить в ближайшее время, охрана вокруг деревень станет только строже. Чем раньше вы проберетесь внутрь, тем лучше.

Дуань Янь вздохнул, переведя взгляд на Сун Фэнсуя, который был полон решимости пойти с ним, и ему ничего не оставалось, кроме как согласиться.

Раз было решено отправляться на поиски тропы с наступлением темноты, Сун Фэнсуй поспешил переложить заготовленные лекарства и предметы первой медицинской необходимости из громоздкого сундучка в легкий и удобный узелок.

Заодно он отобрал еще несколько видов трав: одну часть велел Ань-гэру бросить в котел, когда тот станет греть воду для купания — так отпугивающие змей и насекомых снадобья пропитают тело и создадут надежный защитный покров. Другую часть он велел сварить для приема внутрь — этот отвар служил для защиты от лихорадки.

Хотя сборы велись для ночного выхода, за чередой этих мелких хлопот время пролетело незаметно, и вскоре округу окутали сумерки.

В комнату вошел Ань-гэр и сказал:

— Тетушка Ли вернулась в усадьбу, просила передать глубокую благодарность за лекарство. Говорит, малышу после него стало куда лучше. Теперь она спрашивает, какие блюда приготовить для господина на ужин?

— Слава богу, что с ребенком все обошлось, — Сун Фэнсуй искренне порадовался добрым вестям. Подумав об ужине, он поймал себя на мысли, что аппетита у него особо нет, но впереди ждало важное и трудное дело, так что подкрепиться все же стоило.

Немного помолчав, он произнес:

— С обеда наверняка осталось немало еды, передай тётушке Ли, чтобы не утруждала себя готовкой — пусть просто разогреет то, что есть.

Если сегодня все пройдет гладко и он вернется в деревню, ему, пожалуй, больше никогда не доведется отведать стряпни Дуань Яня. От этой мысли на душе даже сделалось немного тоскливо. Пожалуй, в будущем ему едва ли посчастливится отыскать повара, чье мастерство так безупречно подходило бы под его изысканный вкус...

Ань-гэр, разумеется, прекрасно знал, чьих рук были те полуденные кушанья. Выслушав наказ Сун Фэнсуя, он лишь тихонько улыбнулся и вышел за дверь.

Чуть позже Дуань Янь сам принес поднос с едой.

— Все собрал?

— Да.

Сун Фэнсуй указал на узелок. Дуань Янь подошел и приподнял его — ноша оказалась совсем не тяжелой.

— Я взял только самое необходимое.

Договорив, Сун Фэнсуй перевел взгляд на стоявшую на столе пиалу с мелкими вонтонами* и спросил: — Я ведь велел Ань-гэру просто разогреть то, что осталось с обеда, зачем новое было готовить?

[*Вонтоны (или хуньтунь) — это традиционная разновидность пельменей в китайской кухне, отличающаяся экстремально тонким тестом и сочной начинкой. Чаще всего их подают в горячем прозрачном бульоне, а их употребление на Китайский Новый год символизирует пожелание долголетия.]

— Ты слаб здоровьем, тебе нужно стараться есть только свежее, — Дуань Янь посмотрел на перебинтованную руку юноши. Разве мог он позволить ему наесться объедков перед выходом на опасное дело? — Не стоит из-за спешки есть что попало. Как раз перед важным делом нужно подкрепиться как следует.

Сун Фэнсуй лишь слегка поджал губы: «Да будь еда хоть трижды свежей, если она не по вкусу, уж лучше бы я съел любимые остатки...» Впрочем, помня о грядущих ночных испытаниях, он не стал спорить и послушно присел к столу.

Взяв ложку, он подцепил один пухлый вонтон и отправил в рот. К его удивлению, от этого блюда не исходило резкого аромата, но едва оно коснулось языка, как тонкое тесто мягко растаяло, явив сочную и плотную начинку.

Сун Фэнсуй округлил глаза и повернулся к Дуань Яню:

— Это ты приготовил?

Дуань Янь отпираться не стал, но, помня о былых подозрениях, тут же поспешил с настороженным видом объяснить:

— Стряпню тётушки Ли ты есть не станешь. А если ты пойдешь в ночь голодным, тело не выдержит. К тому же, если мы сегодня найдем дорогу и вернемся в деревню, твои домашние увидят твой измученный вид и, чего доброго, подумают, будто я морил тебя голодом...

Он был человеком проницательным и рассчитывал, что если выставит юношу капризным в еде, болезненным и любящим доставлять хлопоты, то тот решит, будто он просто недолюбливает его за тяжелый нрав, и не станет строить лишних иллюзий.

Однако Сун Фэнсуй от этих слов почувствовал лишь тепло на сердце. Надо же, как этот мужчина все тонко продумал, да и характер у него на редкость покладистый. Прекрасно знает, что гэр привередлив, слаб здоровьем и немного капризен, но все равно во всем ему потакает и даже беспокоится, как бы его домашние не расстроились из-за его бледного вида.

Опустив голову, он ложка за ложкой съел все вонтоны до единого и даже выпил немного

бульона. «Пусть я не могу ответить взаимностью на его чувства, но если я без остатка съем то, что он приготовил, это послужит хоть какой-то благодарностью за его доброту», — подумал юноша.

Стемнело. В небе разгорелся ясный лик луны. Две фигуры, облаченные во все темное, под покровом ночи беззвучно покинули городок и, петляя по глухим тропкам, стали приближаться к деревне Лю.

Летняя ночь выдалась ясной, луна светила ярко, так что даже без факелов через какое-то время глаза привыкли и дорога стала вполне различима.

Дуань Янь имел богатый опыт ночных переходов; он уверенно вел Сун Фэнсуя за собой и вскоре бесшумно вывел его к окрестностям деревни Лю. Однако еще издали они заметили яркие сполохи огня: дозоры на подступах к деревне зажгли факелы, чтобы нести службу как можно бдительнее.

В итоге и без того светлая от луны дорога теперь просматривалась как на ладони.

Дуань Янь крепко нахмурил брови: похоже, дела с лихорадкой и впрямь были из рук вон плохи. Иначе с чего бы стража решилась жечь столько огня сухой летней ночью в полях? Малейшая неосторожность — и сухая трава вспыхнет почище пороха, а тушить лесной пожар в такое время — беда неминуемая.

— Охрана столь суровая, неужто мы и впрямь сможем пробраться? — Сун Фэнсуй после долгой ходьбы слегка запыхался. Глядя на далекие огни факелов, он не мог сдержать тревоги в сердце.

— Не паникуй, сначала разведем путь, — успокоил его Дуань Янь и увлек за собой к одной потаенной тропе, оставшейся в его памяти. Той дорогой обычно пользовались лесные охотники; во время затишья на полях прежний хозяин тела порой собирал крепких парней из усадьбы и уходил в горы на зверя, оттого и проведал об этой лазейке.

Они сошли с проторенного пути в деревню и углубились в заросли дикой травы. Дуань Янь ступал впереди легко и бесшумно, умудряясь не тревожить даже крупные кусты, так что выдать себя они не могли.

Однако чем дальше он продвигался, тем сильнее росло его беспокойство. Эта тропа считалась глубоко скрытой от посторонних глаз, в деревне о ней ведали лишь старые ходоки. Раз знающих людей было мало, то и следов от шагов здесь почти не должно было оставаться. Но, полагаясь на свою зоркость, он заметил неладное: под ногами то и дело попадались сломанные ветки и примятые стебли травы, и чем глубже они уходили в чащу, тем явственнее становились эти приметы.

И что самое странное — места, где явно ступала нога человека, кто-то намеренно пытался забросать ветками и вернуть им прежний вид.

Шедший следом Сун Фэнсуй все свои силы отдавал тому, чтобы ступать точно след в след за Дуань Янем. Когда идущий впереди мужчина резко замер, юноша не успел среагировать и со глухим стуком «дун» врезался лбом прямо в его крепкую спину. Кончик носа пронзило острой болью.

Но не успел он даже потерять ушибленное место, как из темноты раздался резкий шорох, и из ближайших кустов с шумом выросли три-четыре человеческие фигуры.

— Ха-ха-ха! Тянь-цзы, а твоя уловка-то сработала! Гляди, мы опять сцапали парочку свиной!

—

<http://bllate.org/book/17884/1728331>